

Напряжение повисло в воздухе — плотное, почти ощутимое. У Сюй Сяочжэня будто что-то оборвалось внутри. Лишь спустя несколько секунд он нашёл в себе силы заговорить. Вытащив вилку изо рта, он попытался улыбнуться, неуверенно:

— Вы, наверное, ошиблись дверью?

— С чего бы? — незнакомец взглянул на него с мягкой, почти покровительственной улыбкой, как на заблудившегося ребёнка. Вошёл в квартиру с уверенностью человека, чувствующего себя здесь полноправным хозяином. Уселся на диван, окинул комнату критическим взглядом и сказал:

— В целом, порядок. Только шторы мрачные — не в моём вкусе. — И, даже не обернувшись, добавил: — Принеси тёплого молока.

На миг Сюй Сяочжэнь ощутил себя не хозяином квартиры, а чужим в собственном доме — как будто кто-то аккуратно и невозвратно стёр его границы.

— Это не смешно, — проговорил он глухо. Голос звучал будто издалека, неуверенно, как если бы сам он не до конца верил в происходящее.

Чэнь Баочжу усмехнулся. Убедившись, что собеседник не сдвинулся с места, он лениво махнул рукой. Телохранитель, стоявший в дверях, бесшумно прошёл на кухню.

— Молока нет, молодой господин, — донеслось спустя минуту.

— Тогда тёплой воды, — равнодушно бросил Чэнь Баочжу, продолжая разглядывать свои безупречно ухоженные руки. Он даже не взглянул на Сюй Сяочжэня.

— Похоже, ты до сих пор не понял, кто ты. — Голос его был мягким, почти насмешливым. — И, судя по всему, тебе не сообщили, что мы с Янем обручены.

Он сделал паузу, словно давая возможность осознать услышанное.

— Возможно, он просто не счёл нужным говорить. Не обижайся — он вообще не слишком внимательный. Но я, как и полагается, пришёл обсудить детали. Некоторые вещи нужно прояснить...

— Хватит, — перебил его Сюй Сяочжэнь. Голос всё ещё дрожал, но в нём звучала решимость. — Мы вместе семь лет. Я знаю его. Он не мог обручиться с кем-то другим.

Он смотрел прямо в глаза Чэнь Баочжу. Руки были сжаты в кулаки, но голос звучал ровно, без истерики.

Он верил в Гу Яня. Верил в то, что их связь — не случайность и не каприз. Семь лет — не игра. За это время он не представлял себе жизни с кем-то другим. И был уверен: Гу Янь — тоже.

Чэнь Баочжу едва заметно приподнял бровь. «Семь лет?» — это слово, казалось, удивило его. Он-то считал, что этот бета — временное увлечение. Игрушка.

Семь лет. И он всё ещё не надоел? Что это — преданность? Или жестокая привычка, от которой давно пора избавиться?

Семь лет с одним человеком — и всё равно позволить себе помолвку с другим?

Но всё это, по мнению Чэня, не имело особого значения. Бета из 18-го сектора, оказавшийся рядом с альфой их круга, — сам по себе редкий случай. Разве он вправе ожидать чего-то большего?

Он насмешливо посмотрел на Сюй Сяочжэня, взял из рук телохранителя стакан с тёплой водой, сделал глоток, поставил его на стол и сказал с мягким укором:

— Невежливо перебивать, когда говорит хозяин... Ты что, правда думаешь, что, раз вы вместе семь лет, он женится на тебе? Альфы вроде него женятся на омегах с именем, статусом и связями. Тех, кто может дать им поддержку и ресурсы. Не на тех, с кем просто удобно.

— Мой отец — член парламента и новый глава Имперской торговой палаты. Возможно, ты слышал его имя.

Чэнь Баочжу откинулся на спинку дивана, скрестил руки на груди и с ленцой закачал ногой. Он разглядывал Сюй Сяочжэня так, как смотрят на вещь, выставленную на торги, — холодно, с безразличным превосходством, снизу вверх. В этом взгляде не было интереса, только оценка. Он унижал не словом — фактом своего существования.

Но Сюй Сяочжэнь был к такому взгляду привычен. Он не отступил, не отвёл глаз. Стоял прямо, с выпрямленной спиной, и молча встречал его взгляд.

Чэнь Баочжу тихо рассмеялся — скорее от удивления, чем от веселья.

Где-то внутри Сюй Сяочжэня сжималось всё. Мысли, чувства, дыхание — всё в нём инстинктивно пыталось спрятаться, отвернуться, не слышать. Он долгие месяцы гнал от себя даже тень этой возможности, отказывался признавать, что такое может случиться. Но теперь — вот оно. Лицом к лицу. Без отсрочек.

Он больше не хотел видеть этого человека.

Подошёл к двери, открыл её и коротким жестом указал на выход:

— Если вы пришли просто говорить — без доказательств, без смысла — прошу уйти. В моём доме вам не рады.

Чэнь Баочжу на секунду растерялся. Он ожидал, что бета испугается, опустит глаза, начнёт оправдываться, будет искать компромисс. А этот — выгоняет его. Спокойно, упрямо. Как будто имеет на это право.

На безупречно спокойном лице промелькнула тень холода — не вспышка, а тонкая трещина.

— Доказательства? Хорошо, — сказал он тихо. — Сейчас будут.

Он достал телефон, набрал номер, и, глядя прямо на Сюй Сяочжэня, приложил трубку к уху. Несколько гудков — и звонок приняли. Интонация тут же изменилась: голос стал мягким, почти ласковым.

— Янь, с кольцом вышла заминка. Сможешь завтра ещё раз пойти со мной на примерку?

На том конце повисла короткая, но ощутимая пауза. Потом голос:

— Конечно. Назови время и место.

И — короткие гудки. Гу Янь повесил трубку.

Сюй Сяочжэнь знал этот голос наизусть. По интонации, по дыханию, по словам. Это был не сон, не ошибка, не розыгрыш. Ответ прозвучал спокойно, буднично. Без колебаний.

Он будто получил удар в грудь — настолько точный, что даже не было боли. Только тишина внутри.

И вместе с этой тишиной рухнула его выпрямленная спина.

В ушах звенело, в голове стояла оглушающая пустота. Он едва удержался на ногах, вцепившись в спинку стула. Казалось, будто душу вырвали из тела, развеяли по ветру и растёрли в пыль. Боль прокатывалась по телу мелкими волнами — неяркая, глухая, но от этого только острее.

Лишь через мгновение его догнал взгляд Чэнь Баочжу — хлёсткий, как пощёчина. Презрение,

столь откровенное, что стало нестерпимым.

Но это было не просто высокомерие омеги к бете. Это был взгляд законного супруга — на любовника. Пренебрежение, за которым читалась победа.

Сюй Сяочжэнь словно увядал на глазах. Лишённый опоры, он терял силу, как растение, оставленное без воды. Мир вокруг обесцветился, стал тусклым, рассыпался на серые фрагменты.

Голос Чэнь Баочжу зазвучал вновь — тихо, почти ласково, будто издали:

— Я пришёл не для того, чтобы прогнать тебя. При твоём происхождении уже само право быть рядом с семьёй Гу — редкая милость. Уверен, ты немало отдал за возможность жить этой жизнью.

Он сделал паузу и чуть склонил голову, словно оценивая эффект.

— Я человек сдержанный. И понимаю: у альфы могут быть любовники. Это не грех. Но тебе стоит помнить о границах. Помни, кто ты. Игрушке не полагается задирать голову. Я позволяю тебе оставаться рядом — и этого должно быть достаточно. Но если попытаешься перейти черту, поверь, я не оставлю это без ответа. А Янь... он и слова не скажет в твою защиту.

Он неторопливо достал из сумки пригласительный и протянул его. Но Сюй Сяочжэнь не шевельнулся.

Он смотрел в одну точку, как сквозь стекло. Лицо побледнело, пальцы дрожали, всё тело ходило мелкой дрожью. Даже простое движение — поднять руку — оказалось невозможным.

Чэнь Баочжу слегка усмехнулся, поднял руку и аккуратно бросил карточку. Она с сухим шелестом ударила в лицо Сюй Сяочжэня, а затем скользнула вниз — к его ногам.

— Ладно, уже поздно. Пора идти. — Он окинул квартиру неторопливым взглядом. — На столе печенье. Повар из семьи Гу испёк — попробуй. Очень удачное. — В голосе звучало искреннее удовольствие от того, как всё сложилось.

Он встал, будто дома, и направился к выходу. Дверь захлопнулась с тяжёлым грохотом — и в этот момент Сюй Сяочжэнь вздрогнул, словно вынырнул из воды. Ноги подкосились. Он упал на холодный пол.

Холод впивался в кожу, пробирал до костей.

Он лежал, не двигаясь. Как будто если достаточно долго не дышать — всё исчезнет. Всё это

было сном. Не может быть правдой.

Гу Янь...

Скажи хоть что-нибудь. Объясни.

Скажи, что всё это — ошибка. Что всё не так.

Он собрал весь свой беспорядок чувств в тугой комок, запер его внутри и, цепляясь за последнюю, тоненькую надежду, свернулся калачиком, уткнувшись лбом в сгиб руки.

...

Гу Янь отключил звонок, испытывая странное раздражение. Уже почти помолвка, а Чэнь Баочжу вдруг сообщает, что с кольцом какие-то проблемы? Он вообще думает, что говорит?

На коммуникатор пришло новое сообщение от Чжоу Цзиншуо — список детей, которых можно выбрать для церемонии. Все — отпрыски боковых ветвей семьи Гу.

Гу Янь усмехнулся. Он сам едва ли погружён в организацию, а Чжоу, похоже, уже живёт предвкушением свадьбы.

Он быстро пролистал список — взгляд зацепился за одного мальчишку. Того самого, что недавно в саду выхватил волшебную палочку у пары пухленьких малышей. Отметил его и переслал обратно.

Ответ не заставил себя ждать:

«Потому что он напоминает тебе Сюй Сяочжэня?»

Гу Янь не ответил. Вместо этого открыл книгу, где хранился студенческий билет Сюй Сяочжэня, и положил рядом фотографию мальчика. Внешне — ничего общего. Но в глазах упрямство, в движениях — та же непокорная энергия. Слишком узнаваемая.

Он медленно провёл пальцем по краю фото, как будто хотел уловить что-то давно ушедшее, и аккуратно вложил карточку обратно между страниц.

Домой он вернулся в первом часу. В это время Сюй Сяочжэнь обычно уже спал. Но сегодня в прихожей не горел даже дежурный свет.

Вся квартира была погружена в темноту.

Гу Янь тихо закрыл за собой дверь, снял пальто и прошёл в гостиную. Там, на диване, сидел Сюй Сяочжэнь.

Голографический проектор транслировал ночные новости. Без звука. Лишь разноцветные вспышки озаряли бледное лицо — жёлтые, синие, красные пятна ложились на черты, превращая их в холодную, мозаичную маску.

Он казался бесконечно далеким. Как будто присутствовал здесь лишь телом. Сломанный. Молчаливый.

Гу Янь не заметил тревоги. Он подумал, что Сюй просто ждал его. И сердце невольно сжалось от тепла и нежности.

Он подошёл, обнял его со спины, поцеловал в щёку:

— Почему не спишь? Не устал?

Сюй Сяочжэнь сидел, не шелохнувшись. Будто застыл. Не повернул головы, не моргнул — только дыхание выдавалось еле заметным колебанием в плечах.

Гу Янь решил, что тот просто задремал, и, наклонившись, мягко потрепал его по голове:

— Пошли, уже поздно. Пора в кровать.

В этот момент Сюй Сяочжэнь вдруг пошевелился. Его рука резко поднялась и легла на предплечье Гу Яня. Касание было ледяным, напряжённым. Гу Янь непроизвольно вздрогнул.

— Что ж ты такой холодный, — пробормотал он, пытаясь сохранить лёгкость в голосе. — Почему не включил подогрев?

Он взял его за руку.

Сюй Сяочжэнь медленно поднял голову. На лице отражался не свет, а тень — оттенки проекций резали его черты, прятали чувства. Но взгляд... взгляд был прямой, пронзающий, и за ним стояло слишком многое.

— Гу Янь, — спросил он, — тебе нечего мне сказать?

Голос дрожал. Хриплый, будто прошёл через осколки. Словно каждый звук царапал горло.

Гу Янь не уловил тревоги. Он просто сел рядом и задумчиво кивнул, как будто действительно

собирался поделиться чем-то будничным.

— В этот раз, в Шестом секторе, я встретил старого знакомого. Он женился. У него уже дети. Всё хорошо, он счастлив.

Он не стал упоминать имени. Не сказал, что речь о Хо Циньюане. Даже сам не понял — из осторожности или из вины.

Сюй Сяочжэнь молчал. Потом — почти без выражения, тихо, как в пустоту:

— Так ты тоже хочешь жениться?

Вот оно. Так просто. Слово, которое нельзя проглотить. Жениться. Значит, всё именно так. Ждать его — больше не хочешь. Решил выбрать другого. Удобнее. Проще. Подходящего.

Гу Янь вздрогнул. Слово прозвучало как удар. Он знал: Сюй Сяочжэнь мечтал об этом. И сам... когда-то — тоже. Но сейчас он собирался жениться на другом. Без любви. По расчёту. Ради семьи.

В груди кольнуло. Мелко, глухо, как от детской травмы, о которой давно забыл. Но он отмахнулся. Слишком поздно. Вместо ответа он разблокировал коммуникатор, нашёл фото того мальчика и протянул:

— Смотри. Мне кажется, он на тебя похож. Если бы у нас был ребёнок... С твоими чертами — он был бы и красивым, и умным. Мы бы жили втроём. Как настоящая семья.

Сюй Сяочжэнь не шелохнулся. Его лицо будто застыло под слоем тонкого льда.

— Что ты хочешь этим сказать?

Гу Янь прижался к нему. Спрятал лицо у него на груди, прошептал почти ласково:

— Подари мне ребёнка. Я хочу, чтобы у меня был ребёнок от тебя.

И тогда Сюй Сяочжэнь понял, что всё это время давал шанс. Ждал объяснения. Хотел услышать хоть какую-то правду. Хоть искру боли, раскаяния, сомнения. Но Гу Янь говорил о другом. О будущем, в котором нет честности. Нет выбора. Только функция — родить.

С каждым словом внутри становилось холоднее. Словно лёд рос в груди, заполняя всё до краёв.

Он не заплакал. Ни в голосе, ни в жестах — ни намёка на слабость.

А потом Гу Янь сказал: ребёнка.

— Хорошо, — спокойно сказал Сюй Сяочжэнь.

У Гу Яня внутри что-то щёлкнуло. Сердце резко сжалось, и вдруг — неожиданно яркая волна облегчения, почти детской радости. Он даже не предполагал, что это «да» способно так отозваться.

Он не удержался и осторожно провёл ладонью по его животу, будто там уже теплилась новая жизнь.

Он никогда не хотел детей. Но сейчас перед внутренним взглядом возник их сын — маленький, светлый, упрямый, с глазами в отца. И вот он, шатаясь, бежит навстречу и тянет руки: «Папа»...

Гу Янь вдруг понял: он сможет его полюбить. Настояще. Захочет защищать, слушать, быть рядом. Станет отцом.

Улыбка только появилась — и тут голос Сюй Сяочжэня прорезал воздух. Глухо, ровно, без эмоций:

— То есть всё по-твоему: я буду сидеть в тени, а наш ребёнок — жить без имени? Неведомо кто, невидимо где. Так ты это видишь?

Он повернулся. Глаза — прямые, жёсткие. Взгляд, от которого хочется отступить на шаг. Ни слезы, ни дрожи — только усталость и точность.

— Признай. Ты ведь именно так всё и планировал.

Гу Янь замер. Улыбка застыла, голос оборвался:

— Ты... о чём?

Он знал, конечно. Просто хотел отсрочить. Хоть на секунду.

Сюй Сяочжэнь ничего не ответил. Потянулся к чайному столику, вынул оттуда плотный пригласительный и резко бросил в него.

Прямо в лицо.

— Не вилай. Скажи вслух: это твоя свадьба.

Картон был плотным, увесистым. Когда он ударил по щеке, это было не просто больно — это было унижительно. Как пощёчина. Гу Янь дёрнулся, откинул голову, но не стал злиться. Не сейчас. Всё стало ясно. Секрет раскрыт.

Через пару дней — операция на железах. Всё должно было пройти спокойно. Почему всё срывается именно сейчас?

Он медленно поднял глаза. Лицо — бледное. Шаги — неуверенные, будто его мотало на волнах. В груди кольнуло.

Он знал, что Сюй Сяочжэнь мечтал о браке. Не просто догадывался — знал. И всё равно молчал.

Он протянул руку, хотел загладить, объяснить, вернуть хоть что-то:

— Да, я действительно помолвлен. Но это ничего не меняет. Я с тобой. Всё как раньше...

Сюй Сяочжэнь смотрел на него, как на незнакомца. Голос стал резким, почти плоским:

— Ты вообще слышишь, что несёшь?

Он говорил без надрыва — каждое слово будто отсечено ножом.

— Что значит — ничего не меняет? Я думал, мы вместе. По-настоящему. Ты подарил мне дом. Кольцо. Заботу. Я верил, что ты хочешь этого. А теперь выходит — я всё это время был для тебя кем? Запасным? Удобным?

Он выпрямился, словно что-то внутри в нём встало на место.

— Ты знал меня семь лет. И всё это время ты скрывал, что собираешься жениться на ком-то другом? Не на словах — на деле. Обручен. С кольцом. С пригласительными. Всё уже решено.

Он говорил ровно. Но голос дрожал в самых последних нотах:

— Если бы ты просто сказал правду... хоть когда-нибудь. Что не любишь. Что это карьера. Что нам пора закончить. Я бы ушёл. Сам. Без скандала, без сцены. Я не из тех, кто будет цепляться.

Пауза. Долгая. А потом — тихо, сдержанно:

— Но ты выбрал врать. Ты сделал из меня... третьего. Тень. Я не могу это принять. И не

собираюсь.

Он замолчал. На миг в комнате повисла пустота. Только потом голос сорвался — и прорвало.

— Ты просто... тварь!

Эти слова вышли резко, неуклюже, будто сами вырвались. Он сжал кулаки, отвернулся. Глаза горели — не от слёз, от гнева. Его трясло.

Удары шли прямо в грудь. Гу Янь стоял молча. Впервые за долгое время — не знал, что сказать. Внутри было пусто, как после пожара. Он чувствовал, как уходит почва из-под ног, но не пытался остановить.

Никто и никогда не говорил с ним так. Не смотрел на него с такой ненавистью.

Он мог бы оправдаться. Или смолчать. Или уйти. Но больше прятать было нечего. Всё уже произошло.

И если что-то и осталось — только правда.

Гу Янь небрежно провёл ладонью по щеке, вытирая кровь. Жест резкий, почти равнодушный.

— Я всё обдумал. Брак с ним выгоден — для семьи, для карьеры. Ты и сам понимаешь, кто ты. У тебя нет имени, нет положения. Быть с тобой — значит утянуть себя вниз. И всё же... — он на секунду замолчал, — мои чувства к тебе были настоящими. Это правда.

Сюй Сяочжэнь усмехнулся сквозь пересохшие рыдания — горько, криво. Улыбка не касалась глаз.

— Настоящие? — переспросил он. — Ты так называешь то, что сделал? Назначил меня на роль любовника — молча, без обсуждения. Сел на два стула. А потом твой жених явился ко мне и великодушно сообщил, что не против моего существования, если я не буду забываться. «Не мечтать о большем», «не путать своё место» — цитирую почти дословно.

— А знаешь, что я чувствовал? Я не мог вымолвить ни слова. Даже не потому, что испугался. Просто... понял. Это уже случилось. Даже если я ничего не знал — я уже виноват. Потому что разрушил его брак.

На лице Гу Яня резко проступила бледность. Голос стал холодным, почти колющим:

— Он приходил? Не обращай внимания. Если тебе неприятно — я сам разберусь. Предупрежу

его, чтобы держался подальше. Он не имеет права вмешиваться в твою жизнь.

Чэнь Баочжу... Переходит границы. Самовольно пришёл, без разрешения. Решил, что может диктовать условия.

Сюй Сяочжэнь внезапно рассмеялся. Смех был короткий, резкий, без радости — как судорога. Пустой и выжженный, будто вместо слёз остался только пепел.

— И кто здесь третий лишний? Он — или я? — Он покачал головой. — Думаешь, мне важно, кого ты предупредишь? До того, как ты вошёл, у меня ещё были иллюзии. Я думал, ты скажешь, что всё это — ошибка. Что ты передумал. Но теперь... теперь меня просто тошнит.

Он выпрямился. Голос стал твёрдым, спокойным, без истерики:

— Гу Янь. Всё. Мы расстаёмся.

Ответ прозвучал мгновенно, словно был наготове:

— Нет. — Голос резкий, будто отрезал топором. — Я не позволю.

Гу Янь знал: когда всё вскрыется, Сюй Сяочжэнь не примет этого спокойно. Будет злиться, может — замкнётся. Но он был уверен в главном: Сяочжэнь любит его. Без остатка, без оглядки. Пять лет он считал Гу Яня мёртвым — и всё равно никого другого не впустил. Разве такой человек способен просто уйти?

Тревога поднималась изнутри. Он достал сигарету — нужно было чем-то заглушить напряжение.

Сяочжэнь сжал кулаки. Хотел ударить, встряхнуть — сделать что угодно, лишь бы сбросить это чувство. Но стоило взглянуть на Гу Яня — и всё рушилось. Любовь, ненависть, отчаяние — всё смешалось.

Он резко схватил его за ворот рубашки. Пальцы дрожали, голос срывался:

— Знаешь, я всегда понимал, кто ты. Холодный. Вспыльчивый. Эгоист. Быть с тобой — это постоянная битва. Но я принимал это. Потому что любил.

Он сделал короткую паузу — как будто сдерживал что-то ещё сильнее.

— Всё, что в тебе есть — я ненавижу по отдельности. Но вместе это — ты. И я не мог не любить. Всю жизнь, если нужно.

— Это был мой выбор. Я сам пошёл за тобой. И если больно — значит, так и должно быть. Я не жалею. Я просто хотел однажды встать рядом — не как кто-то из грязи, не как обуза, а как равный. Чтобы ты больше не стыдился меня.

Он смотрел в упор, и голос стал ровным, почти тихим:

— Ты мог отвергнуть меня. Мог сказать честно, что не любишь. Это было бы честно. Я бы ушёл — сам. Но ты не отверг. Ты приходил. Ты ложился со мной в постель. Ты давал надежду.

— Ты мог уйти. Мог выбрать другого. Но не имел права держать меня рядом и одновременно готовиться к свадьбе. Не имел.

Он сжал горло рубашки ещё сильнее.

— Скажи, кем ты меня считаешь?

— Я не ничтожество, — тихо сказал Сюй Сяочжэнь. — Я знаю, мы из разных миров. Ты — благородный альфа, я — никто. Но я всё равно человек. И ты не имел права делать из меня любовника. Я на это не соглашался. И не прощу.

Это был первый раз, когда он говорил так — прямо. Без страха. Без оглядки.

Раньше он терпел. Молчал. Не спорил. Боялся, что любое лишнее слово отдалит его от Гу Яня. И теперь — странно, но уже не страшно.

Жаль, что первое честное признание стало последним. И прозвучало оно на прощание.

Гу Янь замер. На секунду потерял опору. Деньги, статус, даже любовь Сюй Сяочжэня — ничего из этого больше не выглядело прочным.

Он помнил: Сяочжэнь когда-то любил его отчаянно, до самозабвения. Но забыл, что в нём была сила. Упорство. Спина, которая не сгибается — даже под тяжестью любви.

Словно каждое его слово вонзалось в грудь, пробивая насквозь. Простые, даже наивные — мечта жить с альфой, как с равным. И всё же Гу Янь не мог усмехнуться. Эти слова зацепили глубоко. Будто укоренились в теле — тонкими побегами, пускавшими корни сквозь плоть.

Он знал: если Сяочжэнь уйдёт, вырвать их будет невозможно. Они останутся. Будут болеть. И всё равно — он не мог выбрать.

Потому что в нём была и другая привязанность. Другая лоза. Власть. Она впивалась в него

ничуть не слабее. И от неё он тоже не мог отказаться.

— Дай мне пять лет, — сказал он. Сжал его руку. — Я добьюсь своего. И тогда... я дам тебе имя. Настоящее. Законное. Всё, что ты хочешь.

Он верил, что этого хватит. Что Сяочжэнь останется.

Но тот лишь посмотрел на него. Поднял руку — и дал пощёчину. Не из злости. Не из мести. Просто как факт.

Удар был почти невесомым. Лёгкий, как прикосновение. Но слёзы, упавшие с его подбородка, обожгли запястье Гу Яня сильнее, чем удар.

— Ты... подонок, — прошептал он. — Сколько людей ты ещё сломаешь, чтобы наконец насытиться?

Гу Янь отшатнулся, потрясённый.

— Ты ударил меня?.. Сяочжэнь... Как ты смеешь?

Он смотрел на него, как на чужого. Будто всё это не могло произойти. Даже после всего — не мог поверить, что Сюй Сяочжэнь на это решился.

Но это произошло. И всё стало необратимым.

Гнев вспыхнул в глазах. Лицо напряглось, челюсть застыла. Но он проглотил ярость. Ради кого? Ради человека, который теперь даже не хочет его слушать?

Сюй Сяочжэнь не стал отвечать. Больше нечего было говорить. Всё уже сказано — и услышано. Вещи он собрал заранее. Подошёл к столу, выложил банковские карты, украшения, ключи — всё, что когда-либо получил от него.

— На этом всё, — спокойно сказал он. — Достаточно, Гу Янь.

Тот шагнул вперёд, перегородил путь. Не хотел отпускать. В голове метались слова, предложения, обещания — всё вперемешку, как в лихорадке:

— Скажи, что тебе нужно. Я всё дам. Квартиру, машину, любую должность. Назови — и она твоя. Кто, кроме меня, может обеспечить тебе такую жизнь?

Слёзы всё ещё стекали по лицу Сюй Сяочжэня. Не театрально, не красиво — упрямо, тяжело,

как будто тело само избавлялось от боли. Он поднял на него взгляд — уставший, полный немого разочарования.

— У меня этого и не было, — ответил он. — Ничего из перечисленного. И терять мне нечего. Отойди.

Гу Янь не понимал. Не мог понять. Он показал Сюй Сяочжэню другой мир: блеск, влиятельные имена, закрытые вечеринки, высокие потолки и низкие поклоны. И всё это — пыль? Просто пыль?

— Ты вообще представляешь, как будешь жить без меня? Понимаешь, что тебя ждёт? Пока я был рядом, они тебя не трогали. А теперь — конец. Ты провалишься обратно, туда, откуда пришёл. Даже учёбу можешь не закончить. А ты ведь хотел учиться. Хотел вырасти.

Сюй Сяочжэнь сжал лямку рюкзака так, что побелели пальцы. Голос его стал хриплее, грубее, но ни на мгновение не дрогнул:

— Это моё. Моя дорога, мои трудности. Я справлюсь. С этим я как-то научусь жить.

Он посмотрел на него почти с жалостью.

— А вот жить рядом с тобой, оставаясь «третьим», — с этим не могу. Это делает меня ничтожным. Каждый день рядом с тобой отнимает у меня что-то. Я не хочу так жить. Не хочу превращаться в того, кем ты готов меня видеть.

Он уже всё решил. Это было не бегство, не жест отчаяния — это был выбор. Твёрдый, окончательный.

Ни уговоры, ни угрозы не могли этого изменить.

И в этой решимости Гу Янь увидел не только злость, но и что-то ещё — уважение. Страх. Зависть. Он был зол. Но в глубине — восхищался. Потому что сам бы не смог так уйти.

Он стоял на грани. Всё было сказано. Все ходы сделаны. Он выложил всё, что мог. Свою гордость, свои деньги, свои чувства.

И всё оказалось напрасно.

Он убрал маску мягкости. Остался только сдержанный гнев. Он встал у двери, прижал ладонь к ручке, не давая выйти.

— Я не хотел так... Сяочжэнь, — сказал он сдержанно.

<http://bllate.org/book/14462/1279174>